

**ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ
МЕХАНИЗМЫ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ КРИЗИСА
ИДЕНТИЧНОСТИ***

В сознании любого индивида присутствуют представления о структуре социума, что является необходимым компонентом для самоидентификации, для формирования концепции своего «социального «Я». Все социальные преобразования пореформенной эпохи не просто вызвали интенсивную вертикальную мобильность и статусно-ролевую переструктуризацию общества, но и дали жизнь новому нормативному порядку, разные части которого прежде либо не существовали, либо не имели легитимного статуса.

Неопределенность оснований социальной категоризации и усложнение социального пространства означают неопределенность правил и норм взаимодействия с разными категориями людей, «плывут», становятся неопределенными прежние критерии в определении «своих» и «чужих». Жизнь вынуждает не только понимать, «с кем мы» и «против кого мы», но и к какой категории отнести огромное количество «других», кто «не друг, и не враг», а просто — другой. Появление новых социальных общностей ставит перед людьми задачу определения правил взаимодействия с ними, определения их роли в мире собственной повседневности и, соответственно, уточнения представлений о тех группах, которые человек привык

* Работа подготовлена в ходе реализации проекта «Образы социальной реальности как фактор солидаризации и конфронтации в кризисном обществе», финансируемого РГНФ (№ 99-03019581). Руководитель — В.А. Ядов

считать «своими», о которых говорит «это — «мы» (Данилова, 1997; Наумова, 1999; Климова, 2001).

Кроме того, подспудно человек начинает осознавать необходимость (или же жизнь вынуждает его это делать) корректировки представлений о самом себе. Такая ситуация чревата возникновением как идентичностных конфликтов (столкновением несовместимых личностных концептов), так и появлением кризиса социальных самоидентификаций на массовом уровне. При резких изменениях в социальной структуре и появлении конфликтующих ценностных систем процессы идентификации начинают выполнять роль «системного «ответа» людей на «вызов истории», проявляющий себя в принудительной смене ценностей, нормативного порядка и всей системы паттернов социального взаимодействия (Наумова, 1999. С. 117). При этом усиливается болезненное переживание людьми как собственной структурной маргинальности, так и идентичностных несоответствий, например, того «меня», который возник в результате всей предшествующей социализации, и другого «меня», который вынужден приспосабливаться к новым условиям жизни.

Таким образом, кризис идентичности, причем не только социальных идентификаций личности, но и «Я»-образа» (личностных самоидентификаций) оказывается неперенным спутником масштабных социальных преобразований и существенным фактором, оказывающим влияние на процессы солидаризации и конфронтации в обществе, на процессы социальной локализации и номинации таких абстрактных концептов, как «мы», «свои», «чужие», «они». Попробуем посмотреть, какие аномалии в процессах идентификации могут привести развитию кризиса идентичности; как выглядят эти механизмы с точки зрения тех или иных концепций, разрабатывающихся теме социальной идентификации личности.

Любой социализированный член общества является вполне компетентным «социальным теоретиком». А. Шюц объяснял возникновение «обыденных» теорий механизмами повседневной типизации. Каждый шаг нашего истолкования мира повседневности основан на запасе прошлого опыта — как лич-

ного, так и опыта других людей, переданного родителями, учителями и т. д. Весь этот опыт превращается в определенную «схему», в определенное единство в форме запаса знания, которое помогает на каждом шагу человеку в интерпретации мира. Так что предметы и события в жизненном мире с самого начала предстают в своей типичности (*Шюц*, 1988). Создать типизацию означает создать смысловую связь накопленного опыта и некоторой проблемы, которую требуется решить: надевать теплые ботинки или не надевать, если за окном идет снег; давать деньги в долг моему соседу-пьянице или не давать; требовать ли, чтобы мне выплатили зарплату, поскольку «от каждого по способности — каждому по труду», или же не провоцировать конфликт, поскольку «всем сейчас тяжело»?

Типизации, создание «обыденных теорий» и «повседневных идеологий» могут затрагивать проблемы разного масштаба, но вместе они складываются в более или менее непротиворечивую (субъективно непротиворечивую) «картину мира». Рефлексивная по своей природе¹ «картина мира» аккумулирует в себе и выполняет несколько важных функций.

Во-первых, она поддерживает «прозрачность» общественного устройства, определенность контекстов действия, в которых оказывается человек. Она делает возможным то, что Э. Гидденс назвал «рефлексивный мониторинг действия» — способность человека к постоянному и рутинному слежению за ситуациями и условиями, в которых ему приходится жить и действовать (*Giddens*, 1984. P. 5).

Во-вторых, такая теория мира служит источником легитимаций, производимых индивидом как в отношении собственных намерений и поступков, так и в отношении вновь возникающих или повторяющихся внешних ситуаций.

И, в-третьих. Легитимация (описание, объяснение и оправдание установившегося порядка вещей), осуществляемая повседневным сознанием, предполагает не только определенное теоретизирование, но и *вписывание в ткань теории самого субъекта* — ее носителя. Здесь уже начинают работать сложные механизмы социальной идентификации и самоидентификации личности «Теория мира» неизбежно участвует в

формировании «концепции «Я», оказывает влияние на самооценку, на процессы социальной категоризации (различения в обществе «типичных» групп по их «типичным» признакам), на организацию взаимодействия как со «своими», так и с «чужими» и «другими».

Приведенные рассуждения позволяют сформулировать гипотезу о том, что возникновение ситуации неопределенности в личной перспективе² связано с двумя процессами. С одной стороны, с осознанием, что личная «теория мира» оказывается в какой-то мере нерелевантной социальному и институциональному контексту, уже не является надежным поставщиком непротиворечивых и «понятных» смыслов. При этом «теория мира» перестает быть источником легитимации— как в сфере личной, связанной с индивидуальными действиями, опытом и планами, так и в сфере социальной, когда человек отказывается воспринимать происходящие изменения в качестве «разумных и справедливых». С другой стороны, происходит кризис идентичности, системы самоидентификации и референций человека, привязывающей его к определенным ролевым позициям и снабжающей ролевыми предписаниями, а также взглядом на самого себя, на собственную биографию и «рефлексивный проект» собственного будущего (Гидденс, 1995). Можем ли мы, более или менее представляя себе механизмы формирования идентичности, предположить (хотябы и теоретически) условия и механизмы появления *идентичностных конфликтов*, формирования *кризисной идентичности*, которая вынуждает людей либо экспериментировать с новыми социальными ролями, либо становиться своего рода «фундаменталистами» своих прежних идентификационных предпочтений?

Термин «идентичность» стал широко использоваться с 50-х гг. XX в. и символизировал собой попытки социологов установить, «кем на самом деле является некто данный». Мы рассматриваем идентичность как встроенность человека в субъективно проинтерпретированные социальные категории (А. Тэшфел, Дж. Тернер, Дж. Мид). Социальная идентичность, как ее обозначали Тэшфел и Тернер, складывается из тех ас-

пектов образа «Я», вытекающих из восприятия индивидом самого себя в качестве члена определенных социальных групп — категорий, с которыми связаны некоторые существующие в обществе оценки и представления и некоторая система взаимодействий (*Tajfel, 1971; Tajfel, 1982; Turner 1985*). Главная идея Дж. Мида состояла в том, что функция идентичности есть установление самости — способности человека рефлексивно рассуждать о своей природе и о социальном мире, описывать себя набором социально конструируемых категорий (*Mead, 1934*). Таким образом, принимаемые и отвергаемые идентичности составляют систему координат, с которой соотносится позиция индивида. Если «некто» имеет идентичность, то он помещен в пространство социальных отношений, которые являются для него значимыми и определенным образом соотносятся с его «Я» — концепцией (*Баранова, 1993*).

Социальная идентичность включает в себя 1) когнитивные схемы, 2) поведенческие стратегии и 3) аффективное подтверждение, и в силу этой системности она служит источником мотивации. Агент не только подтверждает свою позицию (субъективное переживание тождества или близости к референтной группе, презентация и рутинное подтверждение идентичности), но и на основании своей социальной идентичности строит собственную жизненную стратегию, инвестирует в это свои ресурсы и рассчитывает получить определенную выгоду или вознаграждение.

Значения социальной идентичности основаны на близости и различии социальной позиции агента с позициями других агентов, образующих пространство социальных отношений. Если мы называем себя или кого-то «спортсменом», то это означает, что по ряду вполне операциональных критериев обнаруживается сходство между конкретным персонажем и некоторой социальной категорией: участие в тренировках, соревнованиях, в сборной и т. д. Успешная социальная идентичность предполагает тождество между самоидентификацией и приписываемой идентичностью (то, как другие люди соотносят с некоторыми социальными категориями конкретного человека).

Социальная идентичность сопровождается интериоризацией идентифицирующего поведения, достаточно очевидного как для самого человека, так и для окружающих его людей. С социологической точки зрения социальная идентичность формируется и поддерживается посредством ряда механизмов: номинации (Ш. Страйкер), взаимодействия со значимыми другими (Г. Стоун, С. Макколл, Г. Салливан), презентации, подтверждения и валидизации концепции «Я» (А. Тэшфел, И. Гофман), межгруппового сравнения (Дж. Тернер, М. Хог, Р. Браун). Базовые функции социальной идентичности можно сформулировать следующим образом: принадлежность группе и создание чувства защищенности (основанного на ожиданиях взаимной поддержки), самореализация и влияние на группу, формирование устойчивых и относительно предсказуемых социальных взаимосвязей³.

Из сказанного видно, что с помощью категории «социальная идентичность» описывается ряд социально-психологических феноменов, которые на индивидуальном и групповом уровнях непременно сопровождают преобразования в системе социальных отношений. Разнообразные концепции социальной идентичности обеспечивает исследователей представлениями о том:

—как осуществляется проекция системы взаимодействий на психологию индивида;

—как индивид, в свою очередь, проецирует и реализует собственные потребности в соотнесении себя с другими людьми, в переживании как собственной уникальности, так и своего социального сходства;

—как процессы субъективной категоризации и социального сравнения влияют на социальное самочувствие индивида или группы;

—как поведенческая модальность социальной идентичности влияет на изменения в системе взаимодействий.

Современные теории социального становления описывают процесс социальных трансформаций как потенциально и принципиально несущий с собой разного рода социальные и культурные травмы, что непосредственно влияет на характер

«коллективного агентства» (*Штомпка*, 2001. С. 7). С этой точки зрения, изменение, слом или утрата значимости прежде сформировавшихся культурных моделей неизбежно вызывают кризис социальных самоидентификаций. Кризис идентичности (такое понятие ввел Э. Эриксон) происходит из ролевой путаницы, когда индивиду не удается совмещать непротиворечивым образом представления о том, кто он есть на самом деле и кем он хотел бы быть (*Erikson*, 1963). То есть изменение социокультурных условий повседневного существования человека приводит его к необходимости совладания с идентичностными несоответствиями.

Болезненность такой ситуации вызывает к жизни процессы восстановления или поиска новых оснований для коллективной идентичности, поскольку идентификация есть процесс субъективного соотнесения агентом собственной позиции в субъективно категоризованном пространстве социальных отношений, по результатам которого индивид формирует собственные оценки ситуации, социального контекста, своих ресурсов и возможностей. Согласно М. Веберу, любые перемещения по позициям социальной структуры неизбежно приводят к эволюции как в сознании индивидов, ступивших на ту или иную позицию, так и в групповом сознании (*Weber*, 1978). При этом такая эволюция связана с осознанием пространства своих возможностей по сравнению с другими социальными категориями и с идентификацией (индивидом, группой) себя с этими возможностями, выступающими в качестве индикатора социального различия.

Таким образом, практически любая мобильность (горизонтальная или вертикальная, групповая или индивидуальная) связана с идентичностными конфликтами: конфликтами, порожденными столкновением прежде интериоризированных социокультурных образцов взаимодействия и тех, которым вынужден следовать индивид или группа в новых контекстах действия. Идентичностные конфликты могут быть разной сложности, глубины и протяженности, но в любом случае их носители оказываются перед необходимостью психологической, нормативной и культурной адаптации к новой социальной

практике вокруг них. Если же индивид не готов отказаться или изменить нормативные (а иногда и мировоззренческие) основания своего поведения при одновременном сохранении несовместимых притязаний, его социальная траектория рано или поздно приведет к изоляции или к вытеснению на периферию статусно-ролевой системы взаимоотношений.

Далее мы рассмотрим, как и при каких условиях рождается кризисная идентичность. Мы попытаемся реконструировать эти процессы и механизмы, соотносясь с принципами той или иной концепции, сформировавшейся в рамках научного дискурса, посвященного проблеме социальной идентичности. Изучение механизмов формирования кризиса идентичности означает проработку и выяснение зависимостей в той совокупности переменных, ситуативных условий и факторов, вызывающих изменения или оказывающих устойчивое влияние на процессы социальной категоризации, социального «теоретизирования» и формирования паттернов социального взаимодействия.

Смысловым центром любой «обыденной теории» любого индивида является представление о себе самом. Поэтому, согласно концепции Дж. Келли, структура социальной идентичности может быть описана как производная от «имплицитной теории личности»: «твердый стержень» — неоспоримые предположения индивида о себе и своем месте в окружающем мире, «защитный пояс» — время от времени пересматриваемые представления, гипотезы, чье содержание постоянно соотносится с реальностью, и «правила исследования» — привычные приемы решения личностных проблем, борьбы с парадоксами и аномалиями в системе представлений (*Kelly, 1955*). Социальные идентичности в составе «твердого стержня» имплицитной теории «Я» придают психологическую стабильность личности и ориентируют ее в меняющихся социальных ситуациях. В случае, когда «правила исследования» при работе с аномалиями в представлениях и самоощущении индивида перестают выполнять свои задачи, когда долгосрочных проблем порождается больше, чем решается (для коротких промежутков вре-

мени), происходит *кризис самореферентности*. Это один из ключевых параметров, способных привести к развитию кризиса идентичности.

Самореферентность — это тождество со своей личностью, производимое индивидом; умозаключение, основанное на сходстве существенных черт собственного «Я» и сравниваемых явлений, например, поступков других в отношении меня и собственных действий. Это тождество моих идеальных представлений о самом себе, о своей сути, а также оценки моего реального статуса, позиции, действий, которые питают мою потребность в позитивных оценках самого себя (Джеймс, 1991). В определенный, проблемный момент своей жизни человек начинает чувствовать и понимать, что вынужден расстаться со своим «социальным «Я», с таким образом самого себя, который сложился в ходе предыдущего опыта взаимодействия с другими людьми. Например, школьная учительница, вынужденная торговать на рынке, остается в убеждении, что ее суть (образованность, моральные качества, и пр.) остались неизменными, но она вынуждена обманывать покупателей, чтобы, например, расплатиться с рэкетиром, с тем или иным чиновником, с администрацией. Она осознает понижение социального статуса и, вместе с тем, изо всех сил старается сохранить самореферентность, следуя прежним интеллигентским привычкам, держаась за иллюзию, что «это все временно».

Вторым источником кризиса идентичности и признаком развития аномийных процессов в обществе является *утрата существующими «референтными группами» своей социальной значимости*, вернее — разрушение существующих социокультурных образцов и норм поведения, носителями и трансляторами которых и являются многообразные «референтные группы». Это означает, что прежние референтные группы либо исчезают, либо перестают выполнять свою роль — быть объектом референций, идентификационного выбора (или же объектом контридентификации) для определенной части людей. Согласно концепции референтности и референтных групп, созданной Г. Хайменом и М. Шерифом (Sherif, 1961, 1967), референтная группа является носителем социокультурных об-

разцов поведения и обладает механизмами их транслирования. Индивид соотносит себя с представителями референтной группы, ориентируется на ее нормы, мнения и ценности в своем поведении и в самооценках⁴. Усваивая образцы поведения референтной группы, выстраивая соответствующим образом систему мотиваций, индивид тем самым подтверждает собственную идентичность. В результате потери социальной значимости, делавшей их привлекательными, референтные группы — как реальные (трудовой коллектив), так и сконструированные (советский народ) — перестают стимулировать идентификационный выбор индивидов. Если, например, трудовой коллектив распадается, или не выполняет функцию социальной и психологической защиты, человек теряет смысл в определении себя в качестве члена трудового коллектива. А если прежние «враги» вдруг утрачивают свой «вражеский статус», то это влечет за собой необходимость переопределения норм взаимодействия и значений идентичности не только в отношении прежней группы контридентификации, но и в отношении к членам «мы-группы».

Третьим фактором, потенциально способным влиять на развитие кризисных социально-психологических тенденций в обществе, является *нарушение связей индивида с первичной группой, при которых последняя не выполняет своей социализирующей функции*. Ввел понятие «первичной группы» и определил ее роль в формировании идентичности Ч. Кули (Cooley, 1902). Для первичной группы характерны пространственная близость членов, непосредственность связей, добровольное сотрудничество и добровольное членство, неформальный контроль. «Первичность» группы обуславливается главным образом тем, что именно в ней человек получает первый опыт социального взаимодействия и единства, под ее влиянием складываются образы социального мира. Результатом тесной психологической связи является сплочение индивидов в некоторую общность, в которой «самость» каждого из ее членов оказывается обусловленной общностью условий жизни. Человек в первичной группе «свой» не потому, что он работает на цели группы, а по факту своего рождения или пребыва-

ния, например, на какой-то территории (сосед). Мнения и оценки членов такой группы важны не столько потому, что эти люди понимают и разбираются в особенностях, правилах и обычаях окружающего мира и социума. Это происходит скорее в силу особых норм доверительности, взаимной ответственности и взаимных обязательств, чье действие распространено на членов группы: *«Родные никогда не подведут, никогда не предадут. Я это знаю, и я их тоже не предаю»*⁵.

С помощью первичной группы приобретает такое свойство человеческой психики, как ощущение онтологической безопасности — уверенности в стабильности внешнего мира, в целостности самотождественного "Я", в принципиальной расположенности мира ко мне (*Эриксон, 1996*). В самом общем виде можно обозначить три рода негативных последствий от нарушения связей с первичной группой:

—эмоциональная депривация, подавление чувства неизменной расположенности к себе других людей, неспособность построения эмоциональных отношений.

—нарушение чувства базисного доверия. Чувство базисного доверия формируется в первые годы жизни ребенка. У взрослых происходит снижение этого чувства и доминирует базисное недоверие, проявляющееся в разных формах отчуждения. "Доверие включает в себя не только то, что некто научается надеяться, полагаться на тех, кто извне обеспечивает его жизнь, но и доверие к самому себе, веру в способность собственных органов справляться с побуждениями", "готовность верить в достижимость главных своих желаний" (*Эриксон, 1996. С. 111, 116*).

—репрессия инициативности. Желание и возможности экспериментировать с социальными ролями и социальными идентичностями предполагают инициативное участие человека. Неспособность (нехватка ресурсов), боязнь, неумение проводить ролевые эксперименты приводят к тому, что человек оказывается заложником обстоятельств. Его захватит та группа или культурная форма, которая окажется наиболее контекстуально близкой, у которой ниже барьеры вхождения, пред-

принимающая более активные действия по рекрутированию новых членов.

— культурная депривация: человек утрачивает возможности приобщения к широкому культурному (нелокализованному непосредственно) контексту.

При изучении значимости этого фактора можно столкнуться с некоторыми аномалиями, не очевидными на первый взгляд. Известен факт, что в кризисные периоды развития общества усиливаются идентификации с первичными группами, поскольку именно в общении с ними люди ищут поддержку, чувство уверенности, защищенности, «надежного тыла». С другой стороны, можно наблюдать определенную связь уровня адаптированности к условиям жизни, и восприятием роли первичных групп (см. таблицу⁶).

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЕСТЬ ЛИ В ВАШЕМ БЛИЖАЙШЕМ ОКРУЖЕНИИ ЛЮДИ, ЧЬЕ МНЕНИЕ ДЛЯ ВАС ВАЖНО, АВТОРИТЕТНО С МОРАЛЬНОЙ, ПРАВСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ?

	Адаптация ⁷			
	Все опрошенные	«оптимисты»	«адаптированные пессимисты»	«неадаптированные пессимисты»
есть	63	72	66	56
нет	29	21	26	35
затрудняюсь ответить	8	4	8	9

Изменения социокультурных условий и контекстов существования индивида приводит к утрате или к масштабному

изменению социальных идентичностей личности. В результате создается основа для формирования разного рода социальных фобий, роста недоверия и «атомизации» жизненного опыта и жизненных перспектив каждого из людей, когда нормы доверительности и взаимной ответственности перестают выполнять свои функции (в том числе и создание чувства защищенности): «Родители, естественно, желают мне добра, плохого не посоветуют никогда. Но все-таки, конечно, у них устаревшие убеждения, опыт жизненный. Их жизнь воспитана в прошлом. Сейчас их советы, как правило, просто наивны, и я понимаю, что с ними посоветоваться я часто просто не могу»⁸. Такая ситуация, согласно Эриксону, чревата серьезными личностными потрясениями, точнее — кризисом идентичности, и в нее могут быть вовлечены значительные массы людей (Erikson, 1963).

Возникающий кризис идентичности может приводить не только к кризису «Я»-концепции, но и к ролевой путанице, к утрате способности «социальной навигации»: окружающий мир перестает отвечать ожиданиям, а его «навигационные знаки» перестают поддаваться привычным интерпретациям. Таким образом, четвертым признаком и одновременно источником кризиса идентичности является **нарушение принципов типизирующего понимания, нарушение единства и природы интерпретативных схем**, с помощью которых происходит рефлексивное усвоение событий окружающего социального мира.

Согласно концепциям феноменологической парадигмы (П. Бергер, Т. Лукман), идентичность, как элемент субъективной реальности, находится в динамической взаимосвязи с состояниями общества, она формируется в процессе освоения индивидом социального мира, одновременно проявляющего себя в нем и усваивающего этот мир в качестве значимой реальности (Бергер, Лукман, 1995; Бергер, 1995).

Бергер и Лукман показывают, что основой понимания мира как раз и является процесс интернализации значений и контекстов. Понимание событий и поступков окружающих возникает не как следствие индивидуальной работы человека по созданию значений, а в результате «перенимания-от-другого»

того мира, в котором «другие» уже живут. В таком случае последовательность ситуаций представляет собой интересубъективный мир: он существует в области пересечения субъективных значений взаимодействующих индивидов. Устойчивость коммуникации, ее продолженность во времени, повторяемость ситуаций и стабильность системы партнеров стимулируют развитие типизирующего понимания (*Шюц, 1988*). Типизирующее понимание предполагает существование значительной вероятности, что незнакомые мне люди в типичной ситуации поведут себя ожидаемым образом, поскольку природа и принципы построения наших интерпретативных схем одинаковы. Нарушение согласованности интерпретативных схем ведет к социальной дезориентации: «кругом чужие, а где свои — неизвестно». С другой стороны, социальная дезорганизация нарушает интерпретативные схемы (бывший директор становится хозяином), и человек перестает ориентироваться в социальном пространстве (например, становится непонятым, куда жаловаться на произвол «хозяина», можно ли на него жаловаться в принципе, что является критерием успешности — решение суда или уступки руководства, сделанные в частном порядке).

Таким образом, понимание, по Шюцу, обеспечивается обыденными типизациями индивидом реалий жизни. Типизации оформляются в понятиях «здравого смысла», определяемых, с одной стороны, усвоенными культурными нормами и, с другой стороны, соотносением с субъективными переживаниями и опытом конкретного человека.

Эта линия размышлений продолжается работами Э. Гидденса и П. де Приза (*Гидденс, 1995; Preez, 1984*). Они показывают, что социальную идентичность можно определить как осознанный и принятый индивидом смысл его позиции в социальном пространстве. Во-первых, процессы социальной идентификации непосредственно связаны с сигнификацией — реализацией знаков и значений различных социальных групп с установленной для каждой из них идентичностью (*Качанов, 1993*). Таким образом, через идентификацию и контридентификацию знаков и значений тех или иных социальных позиций индивид

производит субъективную категоризацию социального пространства. Следовательно, общности являются не только носителями приписанных смыслов, но и действующими агентами, продуцирующими и воспроизводящими их в своей повседневной практике.

Во-вторых, идентичность в значительной мере формируется как рефлексивный проект, субъективно непротиворечивым образом интерпретирующий личное настоящее, прошлое и будущее. Каждый акт идентификации осуществляется из некоторой позиции и служит некоторой цели, вписан в определенную жизненную траекторию человека. Разрушение и реструктурирование пространства идентификационных выборов (или идентификационных альтернатив) проявляется в болезненном переживании разрыва прошлого и будущего. Таким образом, еще одним фактором (пятым — по порядку изложения), сопутствующим кризису идентичности, является **нарушение целостности образа мира, утрата биографии (утрата достижений) и разрушение перспективных жизненных планов**. Рассматривая проблему формирования идентичности в обществах современности, Гидденс показывает, что знание о мире, типизации мира подвергаются постоянной ревизии. Будущее гарантирует две вещи: во-первых, социальное бытие все также будет требовать рефлексивности и постоянного выбора из многообразных возможностей в определении своего жизненного стиля. Во-вторых, будущее становится все менее предсказуемым в своих последствиях и будет постоянно требовать от индивида самоопределения между принятием тех или иных авторитетов (то есть символических систем) и неопределенностью, дистанцированностью от них {Гидденс, 1995, С. 98}. «Модернизационный шок», полученный людьми в течение последнего десятилетия, привел к тому, что социальные изменения в значительной мере стали восприниматься ими в определенном мыслительном контексте — как нечто непредсказуемое, шокирующее и лишенное позитивных перспектив как в целом, так и применительно к своей собственной судьбе (Наумова, 1999; Штомпка, 2001).

Социальная идентичность личности не сводима лишь к одному определенному измерению. Множественность условий и ситуаций социальной деятельности человека является основой множественности и системности ситуативных самоопределений, ситуативных «Я»-концепций». Следующим фактором социальной дезориентации и дезадаптации, который следует отметить в рамках исследуемой темы — изучение механизмов и условий формирования кризиса идентичности, является также *нарушение природы и принципов организации множественной идентичности индивида*.

Множественная идентичность — одна из центральных идей в концепциях социальной идентичности. Социальное «Я» рассматривается как набор социальных ролей, связанных с многообразием личностных установок, ситуативных актуализаций идентичностей (Кун, *Макпартленд*, 1984; *Striker*, 1980). Современная концепция ролевой идентичности (Страйкер, Макколл) исходит из того, что индивид имеет длинный список идентичностей, количество которых ограничено количеством структурных ролевых отношений, в которые вовлечен индивид (*MacCall*, 1978). Центральную роль в формировании ролевых идентичностей играет непосредственное социальное окружение — «публика», одобряющая или не одобряющая, поправляющая или принимающая тот образ роли (прочтение роли), который презентует агент — актер (*Goffman*, 1959).

Исследователи полагают, что множественная идентичность является способом социальной адаптации индивида, поскольку утрата одной идентичности (при всех тягостных последствиях этого) не влечет за собой полного разрушения «Я»-концепции, так, как это происходило бы при «одноmodalной» идентичности⁹. В современных обществах наличие у индивидов множественной идентичности не вызывает сомнений у исследователей. Также не вызывает сомнений иерархическая организация множественной идентичности (*Ядов*, 1993).

Вместе с тем, следует указать на то, что принципы организации такой множественности могут быть различными. Есть два фактора (в нестрогом смысле этого слова), разная выраженность которых оказывает существенное влияние на конфи-

гурацию множественной идентичности. Первый — это природа или *ведущее основание иерархичности* личное предпочтение или социальная детерминация. В первом случае это означает, что ведущее основание определяется самим человеком, его аутентичным ценностным выбором; второй вариант предполагает, что человек актуализирует, делает доминантным именно то основание иерархичности, мобилизовать которое требует от него окружающий социум.

Второй фактор — наличие такого свойства как *эластичность иерархического соподчинения* ситуативность или константность, чрезмерная восприимчивость ситуативных требований или же ригидность, неспособность согласовывать предписания доминирующей идентичности и контекста действия.

На основании сказанного может быть реконструирована двоякая природа кризиса множественной идентичности: 1) могут нарушиться принципы соподчинения идентичностей или 2) будет потеряна адекватность таких соподчинений. Это происходит, например, тогда, когда доминирующая идентичность перестает восприниматься окружающими, но человек продолжает настаивать на ней стилистикой и нормативными предписаниями в своем поведении. Например, это может быть роль-синдром «фронтовика», «лауреата» или же профессионального социолога, строящего и воспринимающего собственную жизнь как длительное исследование методом «включенного наблюдения».

Одним из наиболее частых нарушений принципов организации множественной идентичности оказывается нарушение «ролевой дистанции» (Гоффман). При этом происходит, в частности, формирование моноидентичности или доминирующей идентичности — когда человек начнет отождествлять роль со своей «Я»-концепцией (например, генерал в отставке, на отдыхе или в семье продолжает командовать окружающими и болезненно реагирует на их нежелание подчиняться). Противоположный случай — абсолютно ситуативная, «мимикрирующая» идентичность, когда человек стремится показать обществу, в котором он оказался, что «я свой» (феномен «Душечки»). Природа и организация множественной идентичности

может деформироваться по разным основаниям, здесь же важно подчеркнуть, что эти нарушения связаны с неопределенностью ролевых позиций или с неопределенностью (или неадекватностью ситуации, социальному контексту) существующих ролевых предписаний, которые могут возникать в периоды социальной нестабильности или интенсивных изменений иерархических социальных систем (Ядов, 1993).

Социальная идентификация опосредует влияние группы (общности) на социальное поведение индивидов и предполагает социальный контроль и самоконтроль. Соотнесенность и дифференцированность норм социального контроля и самоконтроля, их временная устойчивость и легитимность в глазах членов общности обеспечивает обоснованность взаимных ожиданий и воспроизводимость рутинных практик. О кризисе идентичности и возможности смены идентификационных предпочтений свидетельствует *нарушение взаимодополняющей симметрии между нормами социального контроля и самоконтроля*. Их пропорциональное соотношение варьирует в разных обществах, социальных группах, субкультурных образованиях. Н. Элиас, сравнивая средневековые общества и эпоху Возрождения, замечает, что произошел переход от ориентации и расчета на внешние правила и наказания, обязанности и санкции, существовавшие для контроля человеческого поведения, к ситуации, когда установились более абстрактные правила, которые интериоризировались человеком как самоконтроль (Elias, 1978). Модерные общества характеризуются тем, что развивается способность человека контролировать самому свои действия, а не быть только лишь контролируемым извне. Анализируя свойства обществ модерна и постмодерна, З. Бауман отмечает, что проблема идентичности в эпоху модерна заключалась в том, как построить идентичность и сохранить ее целостность, а проблема идентичности в эпоху постмодерна — в том, как избежать фиксации и сохранить свободу выбора (Bauman, 1993; Бауман, 1995). В общем виде — это проблема уклонения от обязанностей перед какими-либо общностями.

Ускорение темпа социальных изменений неизбежно приводит к появлению представлений о «старом» — стабильном

обществе и о «новом» — динамичном (или же хаотичном). Люди обнаруживают, что новый образ действий, сформировавшийся спонтанно, ситуативно, вступает в конфликт с традиционной культурой, и в таких ситуациях обостряется проблема изменения или поддержания устоявшихся связей между нормами социального контроля и самоконтроля. Если не происходит адаптации социокультурных паттернов, интериоризированных человеком в рамках прежней культурной и социальной ситуации, то потеря ими легитимности приводит к угасанию практики, ориентированной на них. До тех пор, пока новый образ жизни не закреплен в новых культурных кодах и правилах и не будет санкционирован новыми паттернами взаимодействия, до тех пор нормы социального контроля и самоконтроля будут конфликтовать между собой — в той степени, в какой конфликтуют нормативные предписания культуры и ситуативная практика.

Изучение трансформаций социального контекста как фактора, влияющего на характер «Я»-концепции индивида, привело к появлению «социологического» взгляда на проблему. Это направление, в частности, связано с созданием «динамических моделей» процесса социальной идентификации (С. Московичи, Т. Шибутани). Эти модели более социологичны, в них учитывается влияние социального окружения при формировании, расшатывании и коррекции социальной идентичности человека. Прежде чем рассмотреть механизмы возникновения кризиса идентичности, необходимо описать ключевые идеи этого направления.

С. Московичи была высказана идея «идентификационной матрицы». Идентификационная матрица — особая категориальная подсистема в системе знаний субъекта. Она организует множество категоризаций человека относительно самого себя, а ведущие категории — базисные идентичности (присутствующие в том числе) — являются своеобразным «сетевым центром» всей этой подсистемы. Идентификационная матрица устроена таким образом, чтобы сортировать, отфильтровывать и сравнивать поступающую информацию по категориям,

с которыми человек себя отождествляет в той или иной мере, в тех или иных условиях (*Rosch, 1978*).

Т. Шибутани описывал идентификационную матрицу следующим образом: это совокупность «Я»-образов, интегрированных в «Я»-концепцию на основе непрерывности опыта и интериоризации усвоенных ранее значений (*Шибутани, 1969*). Сознательное поведение индивида является проявлением не того, каков есть человек на самом деле, а скорее реализацией представлений о себе самом, сложившихся на основе последовательного, непрерывного общения с окружающими. Таким образом, идентификационная матрица предстает как изменяющаяся система, главное свойство которой — поддерживать непротиворечивую интегрированность «Я»-образов.

«Я»-образы в пределах одной идентификационной матрицы могут быть несовместимыми, и для снятия несоответствий индивид разрабатывает «объяснительные концепции». Природа несоответствий — большая область исследований. Для пояснения, как они могут возникать, можно привести типологию идентичностей Т. Хопфа: конструируемые, навязанные, выбранные (*Hopf, 1994*). Навязанные (к которым могут относиться и примордиальные идентичности) — пол, этнос, религия, семья) могут вступать в противоречие с выбранными идентичностями (характерный случай в этом отношении — «выкресты»).

Степень интеграции «Я»-образов в «Я»-концепции в значительной степени зависит от степени интеграции социальной системы, в которой участвует индивид и которая служит источником этих образов (*Шибутани, 1969*). В обществе, где нормы составляющих его групп взаимно не согласуются, любому участнику будет трудно интегрировать свои различные «Я»-образы в целое. Это сказывается на развитии внутренних конфликтов и может привести к распаду личности. В качестве иллюстраций можно вспомнить два знаковых в этом отношении фильма — «Лимита» и «Сорок первый», показывающие, как человек оказывается заложником социальной категоризации «свои — чужие» в ситуации жесткого выбора.

Таким образом, идея идентификационной матрицы позволяет сформулировать предположение, что степень

интеграции «Я»-образов в «Я»-концепции оказывается фактором, значимость которого проявляется одновременно на двух уровнях. На личностном уровне от него зависит устойчивость идентификационных представлений индивида и его идентификационных предпочтений. На уровне социальном внутренней согласованностью «Я»-образов в системе идентификационной матрицы обуславливается способность человека ориентироваться и адаптироваться в системе «социальных координат», преодолевать идентичностные барьеры (не фиксируясь при этом на дихотомизации социального пространства в категориях «свой» — «чужой»). Быстрые, неожиданные и радикальные социальные изменения могут привести к тому, что в идентификационной матрице будут накапливаться аномалии — неурегулированное сосуществование противоречивых «Я»-образов, оказывающихся равно релевантных действительности. В результате сложность соподчинений социальных идентичностей и взаимоотображений «Я»-образов по необходимости будет заменяться более простыми и эмпирически более операциональными дихотомическими категориями «расколотого общества»: «Кто за нас - кого бояться?».

Индивид стремится сгладить или ликвидировать многообразными способами возникающие противоречия, и в зависимости от его действий складывается конфигурация идентификационной матрицы. *Степень согласия субъекта в каждый момент времени с конфигурацией идентификационной матрицы, переживание диссонанса или комфорта в отношении своей идентичности либо подтверждает и стабилизирует эту структуру, либо делает ее сомнительной и вновь выдвигает для переопределения.* Согласно концепции Ж. Кастерштейная, К. Камиллери, именно то, как человек управляет культурными и идентичностными несоответствиями, и определяется его «социальное самочувствие», и именно по этому можно судить о наличии или отсутствии кризиса идентичности, об остроте или относительной урегулированности его.

Концепция Ж. Кастерштейная, К. Камиллери родилась из изучения процессов адаптации выходцев из социокультур-

ной среды, кардинально отличающейся от культуры принимающего общества. Основным акцентом уделялся личностным стратегиям управления культурными несоответствиями, которые формируются или актуализируются при переходе индивида в иную социокультурную среду (*Камиллери, 1993*). Первоосновой концепции составляет утверждение, что идентичность постоянно трансформируется. Мы сами, наша система самоидентификаций остается целостной не путем отказа от изменения, исключения его. С помощью разнообразных приемов, соединяя уже существующее со вновь приобретенным, люди сохраняют и восстанавливают отношения тождественности сегментов и целого, достраивают идентификационную матрицу, используя при этом свой опыт управления собственными идентичностями.

Согласно французским исследователям, формирование фактической, констатируемой идентичности неотделимо от взаимодействия с ценностной идентичностью, на которую индивид имеет притязания. Вместе с тем, индивид при взаимодействии с социумом находится под влиянием предписанной идентичности. Таким образом, возникают несоответствия трех родов: между фактической и предписанной идентичностями, между предписанной и ценностной, между ценностной и фактической. Ситуация культурной раздробленности бросает индивиду два серьезных вызова, к которым он особо чувствителен: посягательство на внутреннее единство смысла и посягательство на присвоенную ценность.

Особо сложные процессы происходят при посягательстве на присвоенную ценность (собственная ценность и представления о себе). Это происходит при взаимодействии с партнером, находящимся в более благоприятных условиях. Зависимость от оценки со стороны носителя стороны более сильной ценности становится решающим стимулом по определению и переопределению себя. Более слабый обречен на роль «кандидата в посвященные».

Согласно концепции, стратегии избавления от идентичностных конфликтов определяют одновременно и последующую конфигурацию идентификационной матрицы индивида,

и социальное взаимодействие в рамках той общности, в которой индивид пытается адаптироваться. Каждый человек стремится по-своему избавиться от идентичностных конфликтов, вызванных травмирующими условиями. Однако далеко не всегда, как показывают французские исследователи, людям удается восстановить целостность представлений о себе и преодолеть кризис идентичности, даже если острота переживаний этой кризисной ситуации относительно невелика. Установленный компромисс разных культурных кодов регулярно будет подвергаться сомнению (в силу внешних обстоятельств или внутренних побуждений) и выдвигаться для переопределения.

Травматические события, связанные со значительными социальными трансформациями, вызывают нарушение привычного, устоявшегося образа жизни, образа мысли и действия. Изменения жизненного мира людей, моделей поведения, принятия решений и вообще — характера мышления и рефлексии относительно мира и себя в нем, все это чревато возникновением кризиса идентичности, так как подрывает одно из базовых стремлений человека — стремление к экзистенциальной безопасности (*Штомпка*, 2001).

Не претендуя на полноту описания проблемы, мы попытались выделить основные механизмы возникновения идентичностных конфликтов и формирования кризисной идентичности. Одним из главных, на наш взгляд, выводов, который можно сформулировать здесь, заключается в том, что кризис идентичности, будучи массовым, во-первых, и растянутым во времени, во-вторых, начинает формировать особый социальный контекст и особую социальную практику, со спецификой которой скорее нужно считаться, нежели стремиться избавиться от нее тем или иным «радикальным» образом.

В рамках концепций и теорий социальной идентичности разрабатываются не только проблемы формирования системы социальных и личностных идентификаций, но и проблемы кризиса идентичности; ставится вопрос о способности и стратегиях, которые избирают люди в такой ситуации. Так, в самом общем виде К. Камиллери выделяет два типа стратегий:

простая когерентность, когда противоречие разрешается ликвидацией одного из противоречащих элементов, и сложная когерентность, при которой происходит увязывание противостоящих элементов в непротиворечивую формацию. Но чаще оказывается возможной промежуточная стратегия — смягчение конфликта между культурными кодами, конституирующими различные идентификационные предпочтения. Например, это систематизированное чередование культурных кодов, целенаправленное и регулярное создание индивидом ситуаций, поддерживающих ту или иную из конфликтующих идентичностей. Вместе с тем, из ситуативной такая стратегия, как правило, превращается в устойчивую; человек все время оказывается перед необходимостью пролонгировать компромиссную стратегию, отказываясь от радикального переопределения ситуации.

Существенные трансформации социальных порядков создают благоприятные условия для развития идентичностных кризисов как массового явления. Следовательно, проблема социальных изменений состоит не только в определении того, *как, кому и что* изменять и реформировать, но и как поддерживать в восприятии людей субъективную определенность того мира, в котором им приходится жить во время преобразований. Концепции социальной идентичности показывают, что в случае кризиса идентичности человек оказывается неспособным воспринимать нюансы всего разнообразия социальных категорий. Происходит упрощение этого пространства, сведение его к эмпирически функциональным (с точки зрения «здравого смысла») критериям: «свои» — «чужие». «Расколотасть» общества возникает не только из-за такой «методологии поляризации», но и из-за того, что становится очень просто манипулировать признаками идентичности — быть для всех «своим» или же для всех «врагом».

Вместе с тем, было бы неверно утверждать, что социально-психологическим контекстом трансформирующегося общества непременно являются лишь «травматические симптомы». Люди выбирают определенные стратегии адаптации или преодоления травмы, и скорее это, а не переживание кри-

зиса, не консервирование его играет более значительную роль в появлении и институционализации новых агентивных практик, новых культурных моделей и, соответственно, новых интерпретаций географии социального пространства. В свою очередь это приводит к возникновению иных условий для формирования идентификационных предпочтений индивидов. И, по-видимому, первым признаком такого развития ситуации может служить появление способности выделять в социальной системе координат тех, кто одновременно не «свой», но уже и не «враг», а просто — «другой», с кем нужно выстраивать новые (хотя и не понятно, какие именно) функциональные отношения. А это, в свою очередь, означает начало другого процесса — уточнение понятия «мы» и системы собственных социальных идентификаций.

Литература

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. / В.С. Агеев. - М.: МГУ, 1990.
2. Баранова Т.С. Теоретические модели социальной идентификации личности // Социальная идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. ИС РАН, 1993.
3. Бауман З. От паломника к туристу / З. Бауман. Пер. с англ. О.А. Оберемко // Социологический журнал. — 1995. - №04.
4. Бергер П. Общество в человеке / П. Бергер. Пер. с англ. О.А. Оберемко // Социологический журнал. - 1995. - №02.
5. Бергер П., Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
6. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / Реф. Е.В. Якимовой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник / Под ред. Ю.А. Кимелева. Серия "Социология". М.: ИНИОН РАН, 1995.
7. Данилова Е.Н. Проблема социальной идентификации в постсоветской России // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1997. - № 3.
8. Джеймс У. Психология. / У. Джеймс - М.: Педагогика, 1991.
9. Камиллери К. Идентичность и управление культурными несоответствиями: попытка типологии / К. Камиллери. Пер. с фр. О. Исуповой // Вопросы социологии. 1993. - № 1/2.

10. Качанов Ю.Л. Проблема ситуационной и трансверсальной идентичности личности как агента социальных отношений // Социальная идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. ИС РАН, 1993.

11. Климова С.Г. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // Социологический исследования, 2000. - №12.

12. Кун М., Макпартленд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / М. Кун, Т. Макпартленд. Под ред. Г.М.Андреевой и др. М.: МГУ, 1984.

13. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: вина, беда или ресурс человечества? / Н.Ф. Наумова. - М.: Эдиториал УРСС, 1999.

14. Социальная идентичность и изменение ценностного сознания в кризисном обществе / Под ред. Н. Шматко. М.: ИС РАН, 1992.

15. Шибутани Т. Социальная психология. / Т. Шибутани. - М.: Прогресс, 1969.

16. Штомпка П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. — 2001. - № 1.

17. Щюц А. Структура повседневного мышления / А. Щюц. Пер с англ. Е.Д. Руткевич // Социологические исследования. - 1988. - № 2.

18. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. Под ред. А.В. Толстых. - М.: Прогресс, 1996.

19. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Социальная идентификация личности / В.А. Ядов. Под ред. В.А. Ядова. ИС РАН, 1993.

20. Bauman Z. Postmodern Ethics. / Z. Bauman. - Oxford: Blackwel, 1993.

21. Cooley Ch. Human Nature and the Social Order. / Ch. Cooley. - New York: Schocken Books, 1902.

22. Elias N. What is Sociology? / N. Elais. - London: Hutchinson. 1978.

23. Erikson E. Childhood and Society. / E. Erikson. - New York: Norton, 1963.

24. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. / A. Giddens. - Cambridge: Polity Press, 1984

25. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. / E. Goffman. - New York: Free Press, 1959.

26. Hopf T. Identity and Security. Construction, Imposition and Choice. / T. Horf. - Ann Arbor, 1994.

27. Kelly G. The Psychology of Personal Constructs. / G. Kelly. - New York: Norton, 1955.

28. MacCall S. Identity and Interaction. / S. MacCall. - New York: Free Press, 1978.

29. Mead G.H. Mind, Self and Society. / G.H. Mead. - Chicago, 1934.

30. Preez P. A Strategic Theory of Social Identity / P.A. Preez // Paper Presented at the International Conference on Self and Identity. Cardiff, 1984.- July.
31. Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and categorization. Ed by E. Rosch, B. Lloyd. Hillsdale: Erlbaum, 1978.
32. Sherif M. Intergroup Conflict and Cooperation: the Robers' Cave Experiment. / M. Sherif. - Oklahoma, 1961.
33. Sherif M. Group Conflict and Cooperation: Their Social Psychology. / M. Sherif. - London: Routledge & Kegan Paul, 1967.
34. Striker Ch. Symbolic Interactionism: A Social Structural Version. / Ch. Stiker. - Menio Park, C.A., 1980.
35. Tajfel H. Social Categorization and Intergroup Behaviour/H. Tajfer // European Journal of Social Psychology. - 1971. - Vol. 1.
36. Tajfel H. Human Groups and Categories: Studies in Social Psychology. / H. Tajfer. - Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
37. Turner J. Social Categorization and the Self-Concept: A Social Cognitive Theory of Group Behaviour // Advances in Group Process. Theory and Research / Ed. by E.Lawler. Greenwich (CT): JAI Press. 1985. - Vol. 2.
38. Weber M. Economy and society. / M. Weber. - Berkeley, 1978. - Vol.1.

Примечания

¹ Рефлексивный не значит рациональный

² Это означает, что человек начинает интерпретировать контексты, в которых он оказался и в которых он вынужден как-то действовать, в качестве непонятных, непрогнозируемых, неустойчивых,

³ См. также: (Агеев, 1990, С.204-208; Социальная идентичность и изменение ценностного сознания в кризисном обществе, 1992; Ядов, 1993).

⁴ Причем, референтные группы могут быть как общностями положительных соотнесений, так и отрицательных, поскольку идентификация происходит не только *присвоением значений*, но и *отторжением* определенных маркеров социальной идентичности.

⁵ Фрагменты из дискуссионных фокус-групп. См. «Доминанты. Поле мнений». № 3 01.02.2001. Фонд «Общественное мнение». Стр. И-6.

⁶ Общероссийский опрос населения 27-28.01.2001, проведенный Фондом "Общественное мнение" по репрезентативной выборке 1500 человек в 56 населенных пунктах 29 областей, краев и республик всех экономико-географических зон России.

⁷ *Адаптация* — группы, определяемые по ответам на вопросы: «Сможете ли Вы в ближайшие год-два повысить свой жизненный уровень,

жить лучше, чем сегодня?» и «Удалось ли Вам найти свое место в сегодняшней жизни?»):

оптимисты - ответившие «да» на оба вопроса;

адаптированные пессимисты — ответившие «да» только на 2-й вопрос и «нет» или «затрудняюсь ответить» на 1-й вопрос;

неадаптированные пессимисты — остальные, кроме затруднившихся с ответом на оба вопроса.

⁸ Фрагменты из дискуссионных фокус-групп. См. «Доминанты. Поле мнений». № 3 01.02.2001. Фонд «Общественное мнение». Стр. И-6. Исследователи отмечают также появление аномалий во взаимоотношениях детей и родителей, последние стали чаще демонстрировать чувство страха перед поколением детей. См.: (Наумова, 1999, С. 103)

⁹ Например, в традиционных обществах главным основанием формирования идентичности выступает принадлежность тотему (О.Ю. Артемова, С.А. Токарев, В.А. Попов).